

Крестьянский вопрос – фактор Российских реформ и революций

Павел Марченя
Сергей Разин

Итоги первого заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

В начале прошлого столетия крестьяне составляли не менее 4/5 населения России. Век-волкодав беспощадно перемолол многие социальные группы и целые классы в разных странах мира. Этот «стратодробительный» процесс не миновал и российское крестьянство. Переход к индустриальному обществу парадоксальным образом сочетал в себе две на первый взгляд взаимоисключающие составные беспрецедентной советской альтермодернизации – *раскрестьянивание* и *окрестьянивание* огромной империи¹. В результате сложилась ситуация, которую известный историк В.П.Булдаков обрисовал так: «Сегодня часто можно слышать, что крестьянства больше нет. Это так, и в то же время не так. Фактически того крестьянства, которое было в начале XX в., уже нет. Но что касается крестьянской ментальности, то она присутствует и сегодня. Вся уходящая историческая натура незримо присутствует в нас и в значительной мере определяет современность»².

МАРЧЕНЯ Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент Московского университета МВД России. E-mail: marchenyap@mail.ru

РАЗИН Сергей Юрьевич – доцент Института гуманитарного образования и информационных технологий. E-mail: razin_sergei@mail.ru

Ключевые слова: крестьянство, крестьяноведение, крестьянский вопрос, аграрный вопрос, правовой дуализм, моральная экономика, русская смута, революция, реформа.

Первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» (**КВ**) совместного постоянно действующего проекта Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЦАИ РАНХиГС) и научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» (**КВ**) состоялось 27 апреля 2011 г.

Идея его проведения возникла при обсуждении итогов Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» общенационального научно-политического журнала «Власть», состоявшегося 12 ноября 2010 г. в Институте социологии РАН в рамках проекта «НиВ». Между соорганизаторами проводившегося с 90-х годов под эгидой Института российской истории РАН и Междисциплинарного академического центра социальных исследований (Интерцентра) семинара «Современные концепции аграрного развития» (СКАР) В.В.Бабашкиным и А.М.Никулиным (ЦАИ РАНХиГС) и соавторами проекта «НиВ» П.П.Марченок и С.Ю.Разным была достигнута договоренность об организации нового семинара, посвященного междисциплинарному осмыслению аграрного вопроса (**АВ**).

В первом заседании приняли участие ученые, представляющие научно-исследовательские организации и вузы Москвы, Казани, Пензы, Тамбова, а также научные журналы. Выступавшие уделили внимание анализу различных моделей решения **АВ**, сопоставлению отечественного и зарубежного опыта аграрных реформ, определению места и роли крестьянства и **АВ** в русских революциях. В результате выявились различные подходы к пониманию сущности **АВ**, оценке «великой» реформы 1861 г. и столыпинских начинаний, интерпретации смысла российских смут и

революций, советской коллективизации и постсоветской аграрной политики.

В то же время участники заседания оказались едины во мнении, что актуальность семинара обусловлена сохраняющейся неясной крестьянской подоплекой многих процессов современности и вне осмысления крестьянства и крестьянственности адекватное понимание отечественной и мировой истории в принципе недостижимо.

Открыл заседание кандидат экономических наук, директор ЦАИ РАНХиГС **А.М.Никулин**, который пояснил, что организаторы семинара рассматривают его в качестве преемника и продолжателя традиций «СКАР», и подчеркнул, что эту идею одобрил один из патриархов крестьяноведения и основателей СКАР академик РАСХН, президент Московской высшей школы социальных и экономических наук, профессор Манчестерского университета **Т. Шанин**.

С докладом «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России» выступил доктор философских наук, профессор Высшей школы экономики, главный научный сотрудник ИРИ РАН **А.Медушевский (А.М.)**.

По его мнению, аграрный вопрос представляет теоретическую конструкцию, выражающую кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. С этой позиции **А.М.** подверг критике господствовавший в советской историографии подход, усматривавший содержание **АВ** исключительно как классовый конфликт по вопросу земельной собственности, а в узком смысле сводивший **АВ** к вопросу о методах устранения докапиталистических отношений в сельском хозяйстве, наиболее эффективным из которых считалась революция (подразумевающая экспроприацию

земли с последующим ее переделом или национализацией).

Экономическая модель **АВ** недостаточна, поскольку он шире своей экономической составляющей. По образному выражению А.М., экономическая детерминанта – такая же абстракция, как формула счастья. Она не является единой для разных эпох и стран. То, что считается богатством и вызывает зависть в одной системе социальных отношений, оказывается едва ли не бедностью в другой.

Экономическая дифференциация становится вызовом социальной стабильности не тогда, когда возникает, а лишь с момента, когда начинает рассматриваться значительной частью общества как несправедливая и аморальная. **Экономический конфликт имеет деструктивные последствия только в контексте социальной психологии.** Фактор угнетения может реализовать свой деструктивный потенциал при условии слабости власти. Поэтому одни и те же формы аграрного протеста имели различные последствия (например, в революции 1905–1907 гг. они вели к дестабилизации, а в коллективизации 1928–1933 гг. – к фактической консолидации авторитарной системы).

В основу критического переосмысления старых подходов и создания новой концепции должно быть положено представление о том, что **АВ** – явление не столько экономическое, сколько социопсихологическое (связанное с господствующими в массовом сознании представлениями о легитимности земельной собственности и их соотношением с позитивным правом). **АВ** существует только там, где осознается несправедливость системы распределения земельных ресурсов, независимо от реальной ситуации в экономике. Там, где такое осознание отсутствует в массовом сознании, **АВ** нет. Отказ от экономического детер-

минизма и фатализма, отрицающего альтернативность исторического развития, и использование вариативного подхода к историческим процессам помогут понять, можно ли было те или иные проблемы решить более конструктивно.

Рассмотрение **АВ** связано с изучением трех измерений легитимности земельной собственности:

- порядком распределения;
- способами приобретения в прошлом;
- средствами защиты в настоящем.

Под этим углом зрения А.М. дал сравнительную характеристику основным концепциям решения **АВ** в дореволюционной России. Решающим фактором инициирования реформ были не экономика и демография, а философско-этические соображения, связанные с моральной экономикой и нравственными основаниями распределения собственности. Историческая легитимация прав собственности лежала не только в основе реформы 1861 г., но и определяла весь последующий вектор обсуждения **АВ**.

Рассуждая о причинах революций Нового и Новейшего времени, А.М. еще раз подчеркнул, что главные причины социальных конфликтов лежат в сфере социальной психологии, а не экономики. При переходе от традиционного общества к индустриальному возникает противоречие между традиционалистскими представлениями основной массы населения о справедливости и позитивным правом, между легитимностью и законностью. Нерешенность этого фундаментального противоречия стала основной причиной срыва модернизации в России в начале XX в. Его квинтэссенцией можно назвать проблему *правового дуализма*, суть которого состоит в параллельном существовании двух правовых систем. С одной стороны, *позитивное право*, отражавшее западные представления и насаждавшееся госу-

дарством в интересах модернизации страны, а с другой – *обычное крестьянское право*, соответствующее порядкам крестьянской общины с ее традиционализмом, коллективизмом, уравнилельно-распределительными принципами трудовой этики, прямо противоположными принципам рыночной экономики.

А.М. поставил под сомнение принятую в отечественной историографии автоматическую «привязку» революции в России к **АВ**. По его мнению, эта связь носит опосредованный характер.

В качестве гипотезы, позволяющей приблизиться к подлинному пониманию природы революционных процессов, А.М. напомнил закон Токвиля, согласно которому революция происходит тогда, когда период подъема, сопровождающийся ростом обоснованных ожиданий, сменяется периодом спада, но ожидания продолжают расти. Идея о наличии связи между ростом благосостояния и нарастанием социальной агрессии противоположна существовавшему в советской историографии тезису об обострении классовой борьбы и революционной ситуации в результате роста эксплуатации.

По мнению А.М., применительно к России второй половины XIX – начала XX в. этот тезис не подтверждается, и нет прямой зависимости между экономической деградацией в аграрных отношениях и ростом революционных настроений. Последний, наоборот, связан с определенными успехами реформы 1861 г. и столыпинского аграрного курса.

Предметом анализа должен стать сам феномен завышенных ожиданий как важнейшая психологическая предпосылка крушения модернизационного проекта в России. Представления о несправедливости распределения земли не только не ослабевали, но и нарастали по мере юридического раскрепоще-

ния крестьян. Планка социальных запросов крестьянства оказалась выше его способности конвертировать новый социальный и правовой статус в рациональную экономическую деятельность. Радикальная интеллигенция выражала, развивала и использовала этот потенциал недовольства, не задумываясь о его деструктивных последствиях для общества в целом и своего собственного положения. В этом, согласно А.М., состоял «специфический российский феномен завышенных ожиданий».

В условиях распада институтов, сдерживавших крестьянскую агрессию (религиозных ценностей, общинной организации, традиционной семьи), складывалась парадоксальная ситуация: процесс, являвшийся следствием модернизации, сам готовил мощный ресурс для ретрадиционализации общества. Крестьяне получили больше свободы, но не знали, куда ее девать. Это привело к росту агрессивности, проявлявшейся в насильственных действиях революционных толп и прочих формах протестного движения масс, которое, используя известное выражение, можно охарактеризовать как «бегство от свободы».

Традиционалистские представления о справедливости возобладали над позитивным правом. Причиной этого явились не экономические, а психологические факторы, подкрепленные неспособностью власти одновременно проводить модернизацию и осуществлять присущий традиционному обществу жесткий контроль. В условиях роста социальной напряженности неожиданный отказ власти от реформ и поворот к контрреформам послужил сигналом для мобилизации сил, выступающих за разрушение существующей системы. Непоследовательность государства в стратегии и технологиях преобразований явилась фактором дестабилизации, осо-

бенно если сопровождается поражением в войне (которое и само по себе жестко ставит вопрос о легитимности системы).

В среде российской элиты конкурировали три основных подхода к вопросу о тактике и стратегии модернизации: почвеннический, либеральный и радикально-революционный.

Традиционалисты-почвенники считали, что модернизация противоречит национальным интересам, и выступали за отказ от нее.

Либералы-западники выступали за проведение форсированной модернизации, не считаясь с готовностью основной массы населения.

Левые экстремисты стремились воспользоваться порожденным модернизацией конфликтом между традиционалистским массовым сознанием и позитивным правом для отказа от нее и захвата власти. Последний подход А.М. и считает формулой большевизма.

Согласно А.М., предложенный им подход к анализу генезиса социальных конфликтов позволяет уточнить само понятие «революция» и по-новому подойти к вопросу о типологии революций. Он напомнил теорию Б.Мура о трех типах революций:

– *буржуазной*, результатом которой становится частная собственность на землю и западная форма демократии (Англия, Франция, США);

– *консервативной революции сверху*, завершающейся установлением фашистского режима (Германия, Италия, Япония);

– *крестьянской*, реализующей утопический коммунистический проект (Россия, Китай и другие бывшие соц-страны).

Специфика последней, по А.М., заключается в господстве правового нигилизма и волюнтаризма, разрушении института собственности и неизбежной

ретрадиционализации (например, в восстановлении таких архаичных институтов, как советы), тормозящих устойчивое и разумное развитие. Попытки реализации аграрно-коммунистической концепции неминуемо заканчиваются тупиком «социалистической национализации» в форме коллективизации, т.е. установлением монополии государственной собственности на землю, восстановлением доиндустриальных форм эксплуатации крестьян государством, а также появлением идей экспорта аграрной революции (наследших, например, выражение в теории и практике Коминтерна, пытавшегося организовать «черный передел» в других странах).

Революционным методом противостоит реформационный путь авторитарной аграрной модернизации, сохраняющей институт частной собственности (модель Столыпина в России, Наполеона III во Франции, Бисмарка в Германии, Чан-Кайши в Китае, Каррансы в Мексике и т.д.).

Согласно А.М., концептуальным образцом для такого рода реформ может служить и «великая» реформа 1861 г., которая разрешила серьезный социальный конфликт, не разрушая отношений собственности. При ее проведении трансформация общества достигалась не за счет массовой мобилизации на основе негативных ценностей, а за счет вмешательства государства в регулирование отношений собственности, умелых манипуляций психологией традиционалистского населения элитными группами и эффективной управленческой деятельности, позволяющих избежать революции.

Однако успешно запущенный реформами 60-х годов XIX в. процесс не был доведен в России до логического конца. Системный кризис аграрных отношений был скорее кризисом сознания, а не кризисом экономики. Ситуация неза-

вершенной модернизации, в случае, если традиционалистские представления о справедливости не совмещены с позитивным правом и не регулируются государством, становится чрезвычайно опасной. Возможность революционного срыва превратилась в реальность в результате комбинации *традиционалистского массового сознания* (протестующего против позитивного права, не соответствующего обычным правовым представлениям), *авторитаризма политической власти* (не допускающей изменения позитивного права и отношений собственности) и *экстремизма радикальной интеллигенции* (использующей конфликт позитивного и обычного права для достижения своих политических целей)*.

Далее с докладом «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос» выступил кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета Д. Люкшин.

Д.Л. выдвинул радикальный тезис, согласно которому **АВ** (как проблема предоставления крестьянам земли) в России начала XX в. не существовал, поскольку не мог быть решен.

В подтверждение докладчик сослался на подсчеты аграрников, доказывающие, что выполнение минимальной трудовой нормы в центральных губерниях не могло быть достигнуто без выселения части крестьян за пределы этих губерний. Ни администраторы, ни крестьяне в таком формате вопрос никогда не ставили.

Впервые об **АВ** заговорили перед 1861 г., но всерьез о нем речь пошла после «великих» реформ, когда по расчетам модернизаторов он должен был уже разрешиться. **АВ** выступил в роли симуляк-

ра, к которому были стянуты, вербализованы и предъявлены оппонентам претензии новой генерации адептов освободительного движения. Предпринятая в позднейшей историографии попытка определить фактическое содержание **АВ** как проблемы крестьянского малоземелья окончилась констатацией нерешенности и неразрешимости этой проблемы. В России **АВ** так и не был решен – нехватка земли перестала быть злобой дня лишь после ликвидации крестьянства во второй половине прошлого века. А при распределении ролей между участниками будущей революционной драмы, имевшем место в теоретических дискуссиях начала XX в., речь шла вовсе не об учете реального потенциала акторов, а о визуализации образа симулякров, призванных символизировать движение по пути политических побед.

Оппозиция рассматривала **АВ** как *ultima ratio* в споре с имперскими структурами управления. В годы первой русской революции место **АВ** как основного содержания претензий к власти занял *рабочий вопрос*. Смена политического тренда позволила максимально обострить дискуссию на поле политики, что усилило позиции «аннибалов либерализма» и определило формат политического торга последующего десятилетия. Однако для характеристики аграрного строя имперской России начала XX в. изменение места **АВ** в политических лозунгах оппозиции не является даже вспомогательным. Это всего лишь иллюстрация к выводу об искусственном характере **АВ** для социального тела страны.

Д.Л. отметил, что российское государство, проводя какие-то реформы, всегда исходило из реализации своих конкретных интересов.

* Более полное изложение представленной концепции см. в работах⁴.

Так, главной причиной реформы 1861 г. было отнюдь не альтруистическое желание государя дать свободу подданным, а желание получить с крестьян деньги на модернизацию вооруженных сил (стольпинская же реформа – попытка второй раз ограбить уже ограбленное крестьянство и уверить его в том, что это снова делается для его же блага).

В целом реформа привела к коллапсу аграрно-социальной хозяйственной организации, который был преодолен только к началу второго десятилетия XX в. Для этого потребовались избыточные усилия социального тела, которые, хотя и не выходили за рамки этики выживания, но привели к деформации архитектуры моральной экономики – как сверху, так и снизу. Изменения, вызванные реформой и ее последствиями, не были закреплены обычаем и моралью. Времени оказалось недостаточно для того, чтобы успели сформироваться новые традиции.

Крестьянство в начале XX в. лишь приступило к плетению тонкой нити новой социальности, призванной обеспечить стабильность социума. Сшитые на живую нитку кросскультурные связи были очень уязвимы. П.А.Столыпин почувствовал это шаткое состояние российского общества и потребовал «20 лет покоя» не для одной аграрной реформы, но для укрепления новых социальных связей – для создания новой России. По мнению Д.Л., стольпинская реформа представляла эффективный, радикальный, едва ли не единственно верный ответ на заданный либералами **АВ**. В то же время она получила среди населения весьма слабый отклик. В результате укрепился историографический тезис, по которому она провалилась. Согласно Д.Л., о провале стольпинской реформы можно говорить с тем же основанием, как и о провале идеи приватизации жи-

ля или идеи о возможности открытия своего бизнеса в современной России. Крестьяне, которые видели для себя резоны в стольпинской реформе, ею пользовались достаточно энергично. Крестьяне, которые видели в ней для себя вызов, активно ей противодействовали.

В годы Первой мировой войны новые социально-хозяйственные практики оказались деформированы под воздействием миграционных потоков. Общинники энергично воспользовались открывшимися возможностями для восстановления этики выживания. Утверждая старые принципы на новый лад, общины в 1917 г. активно использовали «оружие слабых» – саботаж, порубки, потравы и т.п. Д.Л. подчеркнул, что в системе моральной экономики беспорядки выполняют функцию семейных скандалов в формате *Милые бранятся, только тешатся*. Проблема в том, что такая форма коммуникации справедливо считается рискованной: если в западе диалога звучат запретные слова или производятся табуированные телодвижения, дело оборачивается революцией; если же стороны сохраняют приличия, все кончается реформами. Вот только понятия о пределах дозволенного у каждого участника дискуссии были свои, а интерпретация содержания дискутируемых тезисов осложнялась тем, что новая социальная конвенция еще не вступила в силу. Ритмы социальных интеракций в военной России явно не совпадали. В тот момент когда крестьяне по итогам 1916 г. готовились перейти к «милому завершению уютного семейного вечера», правительство решительно хлопнуло дверью, покинув пейзаж с их проблемами в одиночестве.

«Общинная революция» проходила в рамках оборонительных стратегий крестьянства, которые в патримониальной монархии облекались в форму агрессии.

В условиях отсутствия гарантированных прав подобный вид коммуникации остается единственно доступным для населения, желающего апеллировать напрямую к самому высокому руководству. В свою очередь правительство, желающее продемонстрировать готовность к сотрудничеству, должно направить к месту беспорядков полицейские силы (в тяжелом случае – военных). Когда крестьяне видят, что прибыли полицейские, они делают вывод о том, что их услышали. Так ведется диалог между властью и народом, форма и содержание которого в России известны со времен князя Игоря Старого. Реплики действующих лиц в нем прописаны строго по канону: тезис крестьянства – ответ начальства – совместная продуктивная работа. Правила игры не менялись вплоть до 1861 г., когда правительство в одностороннем порядке их пересмотрело.

В начале XX в. русскому мужику, который не вполне усвоил новые начальные повадки, пришлось привыкать еще и к столыпинским новеллам. Неудивительно, что не все шло гладко, ведь в крестьянском понимании отсутствие конных стражников означает, что их не слышат. Эта ситуация трактуется общиной либо как нежелание вести диалог, либо как следствие недостаточной интенсивности месседжа; в любом случае это все рассматривается как санкция для интенсификации агрессии. Правительство не может уклониться от диалога, поскольку одновременно с развитием крестьянской активности происходит легализация достигнутых де-факто результатов и расширение номенклатуры притязаний (причем крестьянские требования в принципе безграничны, они могут продолжаться вплоть до «крестьянских царей»). В 1917 г. (начиная с апреля) *вопрос* крестьяне сформулировали: косили, тащили, рубили,

пилили, даже пахали чужую землю, – но так и не дождались от Временного правительства *ответа*. Осенью отчаявшееся «достучаться до небес» крестьянство переходит к переделу земли. И тогда диалог продолжили уже большевики.

В заключение Д.Л. подчеркнул, что еще до захвата большевиками власти деревня уже жила сама по себе, не обращая внимания на то, что происходило в центре.

«Общинная революция» и октябрьские события в Петрограде – различные процессы, волею случая сошедшие во времени. Под их тяжестью и рухнул имперско-патриархальный уклад, обеспечивавший стабильность и преемственность в обществе. Поэтому деятельность большевиков на первом этапе их пребывания у власти, когда главной задачей было ее сохранение, заключалась в реконкисте страны крестьянской утопии. К началу 30-х годов этот сценарий удалось реализовать...

Далее состоялся обмен мнениями между всеми участниками первого заседания семинара....

П рения по докладом открыл **А.Гордон**, заметивший, что **АВ** появляется не в Новое время, как это следует из доклада А.М., а известен с древности. В частности, **АВ** был причиной движения братьев Гракхов в Древнем Риме. И в России **АВ** появился задолго до 1861 г. – он обсуждался, например, Уложенной комиссией еще в XVIII в. Разложение традиционной общины – процесс циклический, и в **АВ** отчетливо проявляется историческая преемственность. Да и проблема правового дуализма тоже не нова. Коллизия писаного (римского) и обычного права (кутюмы) существовала, например, и в средневековой Франции.

Н.Рогалина отметила новизну предложенной А.М. трактовки **АВ** как феномена, связанного с модернизацией

традиционного общества в условиях товарно-рыночной перестройки. Показательным признан и вывод о том, что «великая» реформа 1861 г. в России осуществлена без разрыва правовой преемственности с формулой социального компромисса, согласования интересов основных социальных слоев. Столыпинская реформа, по ее мнению, также основана на компромиссности, наличии выбора, многообразии форм собственности и последовательном закреплении прав новых собственников.

Она не согласилась с *Д.Л.* в том, что главной причиной реформ было стремление государства выкачать из крестьян деньги. Проблемы малоземелья в России также, по ее мнению, не существовало – малоземелье было относительным. Главным тормозом в решении **АВ** была сама общинность, которая успешно изживалась. Но помешала война.

По мнению **В.Бабашкина**, благодушно-позитивные оценки реформы 1861 г. во многом объясняются стремлением отмежеваться от официальной советской историографии, которая аттестовала эту реформу как пропомещичью и исключительно грабительскую.

Уместно вспомнить, как сами крестьяне отреагировали на реформу (так, бунт в с. Бездна Казанской губернии, получивший известность из-за многочисленности жертв, вызванной жестокостью царских усмирителей, был вовсе не исключительным событием – подобные акты протеста происходили повсеместно). Многие помещики в ситуации, когда их земля обналичивалась в звонкой монете, потянулись в города. В течение пореформенного сорокалетия земельная аристократия утратила в глазах крестьянства моральное право на крупное землевладение, поскольку по отношению к нему откровенно пренебрегала своими морально-экономическими

обязанностями. Это и стало главным горючим материалом революционных событий первых десятилетий XX в.

В.Кондрашин согласился с *А.М.* в том, что суть **АВ** в России заключалась в осознанном крестьянством факте несправедливого распределения земельных ресурсов.

Однако, по его мнению, реформа 1861 г. заложила мину замедленного действия, взорвавшуюся в XX в. Российские крестьяне, несмотря на все усилия царских реформаторов, так и не признали частную собственность на землю. Неудача столыпинской реформы в районах крепостного права – наглядное тому подтверждение. Причина неудачи политики, направленной на ликвидацию общины, заключалась в том, что в условиях малоземелья и наступления товарно-денежных отношений крестьяне не видели в общине своеобразную систему коллективной безопасности, спасавшую их от окончательного разорения и голода.

Т.Савинова не согласилась с *А.М.* в том, что **АВ** – это теоретическая конструкция, и с его отрицанием экономической составляющей **АВ**.

По ее мнению, хозяйство (особенно крестьянское) есть категория прежде всего практическая, затем метафизическая и только потом правовая. Она поддержала положение *Д.Л.* о том, что процессы, протекавшие в общинах, имели собственное содержание, и напонила о наличии в России начала XX в. альтернативы столыпинской модели аграрной модернизации, выраженной в идеях представителей организационно-производственной школы (*А.В.Чаянов, А.Н.Челинцев, Н.П.Макаров, А.А.Рыбников*).

С.Разин высказал сомнение в обоснованности выводов об успешности

стольпинской аграрной реформы и ее эффективности в деле предотвращения революции.

С одной стороны, эта реформа была результатом революции 1905 г., но с другой – сама стала одним из факторов, приведших к революции 1917 г. Неслучайно первыми, кого весной 1917 г. пошла громить общинники, стали отрубники и хуторяне, ранее воспользовавшиеся возможностями, предоставленными стольпинским законодательством.

П.Марченя выразил солидарность с А.М. в том, что для понимания причин революции важна не только ее социально-экономическая, но и социально-психологическая составляющая.

Однако объяснение всего случившегося через ситуацию неразрешенного правового дуализма и отсутствие правовой доктрины, способной снять этот дуализм (чем в конечном итоге сумели воспользоваться лишь левые экстремисты), по его мнению, не дает достаточных оснований согласиться с представлением о том, что абсолютное большинство населения огромной страны усилиями незначительной радикальной группы было увлечено не поиском правды, а исключительно «разрушением позитивного права».

В.Безгин отметил обоснованность постановки проблемы правового дуализма в российской пореформенной деревне.

На его взгляд, реформаторы справедливо не пошли на то, чтобы распространить действие позитивного права на крестьянство. В то же время посредством легитимации волостного суда и утверждением суда мирового были созданы условия для постепенного сближения двух правовых систем на основе приоритета официального законода-

тельства. Однако и в начале XX в. в сознании большинства крестьян ответственность на землю могла быть только общинной, и последующий «черный передел» 1917 г. – свидетельство тому. Он отметил важность выводов Д.Л. о том, что вызванные реформой изменения в архитектуре моральной экономики не были закреплены традициями и моралью. Этим и объясняется та легкость, с которой были ликвидированы хозяйства хуторян и отрубников (как и торжество общинной архаики в целом).

Усилия власти в ходе аграрных преобразований начала XX в. вызвали к жизни механизм самосохранения общины. В результате решение **АВ** оказалось возможно только на основе крестьянского менталитета в рамках привычного сельского мира и посредством традиционного механизма – общины.

В.Зверев поблагодарил А.М. за провокативную постановку вопроса, отметив актуальность проблемы соотношения права и морали и высказав убежденность, что и сегодня в российском массовом сознании справедливость выше закона.

Наряду с этим он подчеркнул, что нельзя ограничиваться только социопсихологическими моментами и исключать из рассмотрения характер собственности и его влияние на право. Опираясь на работы П.Г.Зайончковского, Б.Г.Литвака, Н.М.Дружинина, А.М.Анфимова, С. Хока и др., он выразил принципиальное несогласие с позитивной оценкой А.М. реформы 1861 г., напомнив о ее откровенно спекулятивном и антикрестьянском характере и катастрофических последствиях в контексте моральной экономики общинного крестьянства России. Напомнил он и о том, что такому варианту решения **АВ** были реальные альтернативы (в том числе и фермерский путь, и более подходящее

для российских условий кооперирования). Согласившись с тезисом об отсутствии в 1861 г. «революционной ситуации», он высказался против прозвучавшего в докладе А.М. противопоставления понятий «революция» и «реформа». На его взгляд, между ними существует и логическая, и диалектическая взаимосвязь, поэтому рассматривать их нужно в контексте не «революция *либо* реформа», а «революция *и* реформа». Неудавшаяся (или не просчитанная на несколько шагов вперед) реформа ведет к накоплению новых проблем, которые, накладываясь на старые, могут привести к социальному взрыву. В свою очередь, неудавшаяся революция может привести к реакции. Возможна и ситуация, о которой писал еще Н.Я. Эйдельман, когда при определенных условиях власть решается на кардинальную реформу – революцию сверху. Однако всякая реформа имеет лимит времени и запас доверия масс. Если русского мужика, по своему характеру эпилептоида, не знающего золотой середины, довести до «точки кипения», это неминуемо приведет к гигантскому социальному взрыву.

А.Медушевский, отвечая на замечания участников семинара по содержанию своего доклада, еще раз подчеркнул, что **АВ** предполагает осознание большей частью общества несправедливости распределения земельной собственности, и возникает в связи с переходом от традиционного, сословного общества к индустриальному, гражданскому (основной принцип которого – равенство всех перед законом).

В ответ на реплику А.Гордона докладчик пояснил, что, по его мнению, существовавший в Древнем Риме конфликт из-за распределения земли между плебеями и сенатской знатью не охватывал все общество (само понятие которого ограничено для эпохи рабства). По-

этому попытки Гракхов осуществить аграрную реформу в интересах свободного крестьянства имели ограниченный характер и мало шансов на успех.

В эпоху Екатерины II **АВ** в России также не существовал, применительно к этому времени целесообразно говорить лишь о «*крестьянском вопросе*», о начале осознания передовыми мыслителями аморальности крепостного права. **АВ** – как феномен общественного сознания – появляется в Европе только после Французской революции.

В четком виде отделение **АВ** от *крестьянского вопроса* в России происходит лишь после реформы 1861 г., когда формируется конфликт права и справедливости в отношении распределения земельных ресурсов.

Возвращаясь к вопросу об экономических причинах этой реформы, А.М. высказал мнение о несостоятельности «старого тезиса», согласно которому в 1861 г. «крестьян ободрали как липку». С его точки зрения, крестьяне получили вполне достаточное количество земли для ведения хозяйства, и если оно казалось им недостаточным, то причина – в отсутствии навыков эффективного земледелия.

Крестьяне получили не так мало земли, как об этом говорил В.Зверев, ссылаясь на подсчеты советских историков. Никакого малоземелья вообще не было, это был вопрос производительности труда. Немецкий крестьянин с меньшего количества земли получал гораздо больший урожай. Просто русские крестьяне не использовали достижений агрономической науки.

Подсчеты советских аграрников, доказывающие обратное, по мнению А.М., не могут служить убедительным аргументом. В силу известных обстоятельств результат этих подсчетов был задан заранее. Да и вообще результаты различ-

ных подсчетов (советской, дореволюционной отечественной историографии, современной американской школы ревизионизма и др.) сильно разнятся. Они зависят от оценочной позиции исследователей, а единых критериев оценки количества предоставленной по реформе земли нет. Если исходить из того, что крестьяне до реформы имели землю, то тогда в результате реформы количество земли было ограничено. Но если исходить из того, что до реформы они не имели земли, то теперь, напротив, они ее получили. Сводить дело к бухгалтерскому подсчету того, сколько получили крестьяне, это непродуктивный подход. Потому что суть реформы – в компромиссе, обеспечившем преемственность отношений собственности. Надо помнить, что в канун реформы земля юридически была помещичьей собственностью. Говорить о том, что крестьяне получили земли меньше, чем помещики – значит, говорить очевидную истину. Дело в том, однако, что крестьяне что-то получили.

Согласно А.М., в спекулятивном характере выкупной операции тоже нет ничего плохого. Главное – это была эффективная попытка избежать революции путем использования рациональных экономических мер. А социальные издержки реформы, по А.М., были «очень низкими» (в частности, выступление крестьян в Бездне он охарактеризовал как «статистически незначительный факт проявления насилия для преобразований такого масштаба»).

А.М. выразил признательность участникам обсуждения за оценку постановки проблемы о роли конфликта позитивного права и традиционалистских представлений о справедливости в процессе модернизации. По его мнению, именно это действительно центральный вопрос, который нужно обсуждать.

А.М. подчеркнул, что вовсе не намерен элиминировать значение экономики. Но его позиция состоит в том, что экономика влияет на политику не прямо, а опосредованно. При одних и тех же исходных экономических условиях возможны принципиально разные результаты социального конфликта

Фундаментальная ошибка советской интерпретации марксизма, по его мнению, состоит в том, что политические формы выводились непосредственно из состояния экономики. Однако не только экономика определяет ход исторического процесса. Он во многом детерминируется моралью. И «великая» реформа определялась не столько экономическими, сколько этическими соображениями (экономическое использование крепостного труда отнюдь не полностью утратило эффективность, однако оно стало морально неприемлемым – и потому экономически невыгодным).

Вернувшись к вопросу о соотношении революции и реформы, А.М. согласился с тем, что они взаимосвязаны, но подчеркнул, что для него главным является вопрос о том, как избежать революции, как сохранить стабильность отношений собственности и преемственность в развитии правовых институтов.

Он напомнил слова Токвиля о том, что радикальная реформа призвана решить задачи революции, не используя ее средств. В этом состоит суть продуманной стратегии модернизации. И «великая» реформа 1861 г. была настоящей революцией сверху – радикальной реформой, правовыми методами изменившей существующие отношения собственности. Это полноценная альтернатива революции снизу, востребованная во многих странах. Те страны, которым удалось избежать кровавой революции, как раз и использовали подобную стратегию.

Отвечая на реплику *С.Разина* о сомнительной эффективности столыпинской аграрной реформы в деле предотвращения революции, *А.М.* согласился, что сама столыпинская реформа была результатом революции, но подчеркнул, что в то же время она была и попыткой остановить грядущую революцию. Столыпинские реформы имели позитивный результат, но не были доведены до конца. Иллюстрацией того, как могла бы развиваться Россия в случае успешного продолжения столыпинского курса, по мнению *А.М.*, является современный Китай. На его взгляд, Дэн Сяопин и его преемники предприняли в Китае реформы, подобные тем, которые Столыпин не успел завершить в России.

Д.Люкшин, комментируя состоявшееся обсуждение, особо подчеркнул, что при обсуждении **АВ**, в том числе его места и роли в русской революции, нельзя всю Россию рассматривать как единую страну, ко всем регионам которой можно применять единый подход, без учета местных особенностей. Это положение *Д.Л.* подкрепил конкретными примерами из истории преимущественно Казанской губернии, на материалах которой проиллюстрировал регионально-национальную специфику **АВ**.

Касаясь споров о характере аграрных реформ в отечественной истории, он еще раз повторил, что российское государство при проведении реформ всегда исходит из своих интересов. На его взгляд, модернизация имела своей подоплекой строительство дредноутного флота и перевооружение армии, за которые, по правительственным расчетам, должны были заплатить крестьяне. И если, например, в ходе столыпинских реформ это не вполне получилось, то отнюдь не по доброй воле правительства. Так, заняв деньги у французов и переложить часть налогового бремени на го-

рожан правительству пришлось именно потому, что ему не удалось заставить крестьян заплатить. Однако отсюда вовсе не следует, что Столыпин не желал этого сделать.

И именно неумение или нежелание власти понимать собственное крестьянство, природу и смысл его выступлений спровоцировали так называемую «общинную революцию» 1917 г. Важнейшую роль в ее победе сыграло само государство, которое цинично отказывалось от того, чтобы вступить с крестьянами в освященный исторической традицией «правильный» диалог по поводу их попранных прав.

К тому же Временное правительство фактически сняло с себя функции посредника между крестьянами и помещиками, по сути, оставив их один на один друг с другом. Оно не защищало помещичьи имения, предоставив решать их судьбу деревенским «мирам». Разгромив весной отрубников и хуторян, общинники в период с весны по осень 1917 г. решили судьбу помещиков и их хозяйств. Решили в полном соответствии со своими представлениями о справедливости.

При этом, по мнению *Д.Л.*, судьба каждого конкретного помещика и хозяйства зависела от личного отношения крестьян к землевладельцу. Те землевладельцы, которые пользовались расположением крестьян, сохранили и голову, и имения, а те, которые не пользовались, потеряли и то и другое. В Казанской губернии, например, нередкой была ситуация, когда буквально соседние имения одно – горело, другое – стояло. Это объясняется не настроением крестьян, а их отношением к помещикам.

Отвечая *А.М.* и *Н.Роголиной*, в выступлениях которых прозвучал тезис, что крестьянского малоземелья *не было*, *Д.Л.* настойчиво подчеркнул: оно *было*. При этом в центральных и поволжских

губерниях ощущалось достаточно остро. Если в центре низкое качество земли обусловило низкую эффективность хозяйства, то в Поволжье земля была гораздо лучше, но имевшиеся в распоряжении крестьян ресурсы (при отсутствии доступа к помещичьим угодьям) не позволяли им эффективно вести хозяйство.

Отособое внимание *Д.Л.* обратил на положение инородческого населения, у которого ситуация была еще тяжелее (если русские крестьяне в начале XX в. имели 3,4–3,8 дес. земли на ревизскую душу, то инородцы – 2,3–2,5 дес.).

Касааясь постановки вопроса о фермерстве и кооперации, *Д.Л.* напомнил, что изначально одной из центральных задач семинара «Современные концепции аграрного развития», преемником которого стал семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», было разведение понятий «экономика» и «хозяйство». Сейчас же в отечественной историографии они слиплись снова в один и тот же термин. Применительно к предмету состоявшейся на заседании дискуссии такое понимание

принципиально неверно. Экономически крепостное хозяйство никогда не было выгодно. Но как хозяйство, построенное на внеэкономическом принуждении и обмене взаимными неоплачиваемыми услугами, оно позволяло обеспечивать жизненные интересы всех его участников.

По мнению *Д.Л.*, традиционная система хозяйства в результате «великих» реформ получила страшный удар, от которого пыталась оправиться. Однако внешние события (прежде всего Русско-японская и Первая мировая война) привели к тому, что это не удалось.

Рассуждая об альтернативах решения **АВ** в России в начале XX в., *Д.Л.* заметил, что фермерское хозяйство и кооперация в отечественной аграрной практике никоим образом друг другу не противоречили. На юге страны фермерское хозяйство, возможно, было более перспективным.

В Поволжье были более эффективны другие формы. Что касается Центрального региона, то там крестьянское хозяйство было обречено пойти под нож модернизации.

Подводя итоги заседания, его ведущий **А.Никулин** уточнил, что при изучении аграрного вопроса следует иметь в виду обострившиеся аграрные противоречия, известные мировой истории издревле, а не только начиная с перехода к товарно-рыночной экономике. Они существовали и в Римской империи, и в великих азиатских цивилизациях. И везде, если они не разрешались правовым путем, приводили к беспорядкам, гражданским и крестьянским войнам. В этом смысле революция 1917 г. в России – одно из величайших событий в области разрешения **АВ**.

Неслучайно изучение аграрного/крестьянского вопроса и русской революции намертво соединили в своих теоретических построениях и революционеры, и либералы, и консерваторы.

Признав значимость проблемы соотношения права и морали, ведущий подчеркнул, что не стоит все же элиминировать и экономическую проблематику.

В заключение он высказал убежденность в необходимости междисциплинарного, многофакторного подхода к изучению всех составляющих **АВ**, способного стать надежным методологическим ориентиром всех последующих заседаний успешно стартовавшего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Примечания

- ¹ Марченя П., Разин С. Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 18–25.
- ² Цит. по: Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Власть. 2011. № 8. С. 162.
- ³ Бабашкин В.В. Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 291–300; Бабашкин В.В. Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается // Крестьяноведение... М., 1999. С. 280–288.
- ⁴ Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М.: Наука, 2005; Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27.

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.